

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ

ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 47.

30 НОЯБРЯ 1858.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ). Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер. иногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на получение Т. и М. Вѣстника въ предстоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ленгольда и въ книжномъ Базунова.

Редакція находится въ Офицерской улицѣ, близъ Большаго Театра, въ домѣ Купнера, кв. № 23.

Въ 47-му № прилагаются: XI-я книжка Собранія театральныхъ пьесъ, содержаще: Станціонный смотритель, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ; Фофочка!!! водевиль въ 1-мъ дѣйствіи; «Vilanelle» солонная пьеса, соч. Равина и Тріо пзъ «Жизни за Царя», аранжированное для фортепіано въ 2 руки А. Гурлевымъ.

Содержаніе: Театральная лѣтопись (М. Раппапорта) — Айра-Элдриджъ (К. Званцова). — Замѣчательныя композиторы-фортепіанисты (А. Коутскаго). — Воспоминаніе о Лавлашѣ (Дм. Исаева). — Смерть Александра Страделла. — Письмо изъ Полтавы. — Иностранный Вѣстникъ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Все вниманіе нашихъ театраловъ обращено въ послѣднее время на знаменитаго негра — трагика Айра-Элдриджа. У кассы Театра-Цирка постоянно немовѣрная давка и, чтобы достать ложу, нужно записаться на нѣсколько дней впередъ. На прошедшей недѣлѣ повторили *Отелло и Венеціанскаго купца*, о которыхъ мы напечатали въ Вѣстникѣ въ свое время отчетъ. Ожилаемъ съ нетерпѣніемъ *Короля Лура*, котораго дадутъ и на русской сценѣ, какъ говорятъ, въ бенефисъ г. Самойлова, — тѣмъ интереснѣе... Благодаря г. Элдриджа, мы опять можемъ восхищаться дивными произведеніями Шекспира и конечно появленіе его среди насъ оставитъ послѣ себя самую пріятную воспоминанія.

Въ другихъ театрахъ особенно-замѣчательнаго на прошедшей недѣлѣ не было. Въ Италіанской Оперѣ давалъ: *Лукреція Борджіа* съ прежней обстановкой, *Севильскаго цирюльника*, а въ балетѣ: *Дрияду*. Въ Театрѣ-Циркѣ давали *Цыганку* съ тою же обстановкою, что и лѣтомъ, за исключеніемъ роли

Фредерика, которую въ первый разъ исполнилъ г-нъ Дмитріевъ. Послѣ первыхъ представленій этой оперы на Большомъ Театрѣ мы говорили объ ней подробно, теперь намъ остается только прибавить, что и въ Театрѣ-Циркѣ опера имѣла успѣхъ, хотя участіе въ ней учениковъ и ученицъ г. Риччи придаетъ представленію болѣе видъ публичнаго испытанія; нѣкоторыя роли исполняются весьма отчетливо, но вообще ансамбль не совсѣмъ удовлетворителенъ и намъ кажется, что *Цыганка* имѣла бы еще гораздо больше успѣха, еслибъ всѣ роли вообще-обставлены были опытными артистами. Г-жа Кохъ по-прежнему отличилась; по-прежнему она поетъ съ увѣренностію, играетъ смѣло, развязно, публика принимаетъ ее восторженно, и слѣдовательно можно предполагать, что ее ждетъ блистательная будущность. Съ первыхъ ея дебютовъ прошло еще не много времени, но замѣтно, что она продолжаетъ усердно заниматься, и нѣтъ сомнѣнія, что она составитъ весьма полезное приобрѣтеніе для нашей Русской Оперы. Послѣ перваго ея дебюта въ *Цыганкѣ*, была помѣщена въ Вѣстникѣ подробная оцѣнка ея таланта и теперь она еще больше подтвердила сказанное въ то время нашимъ сотрудникомъ А. Н. Сѣровымъ. Г. Дмитріевъ, молодой артистъ, тоже подающій надежды. У него симпатичный и довольно обработанный баритонъ, онъ вокализуетъ съ легкостію, но конечно у него недостаетъ еще опытности, притомъ онъ робѣлъ и мы при первомъ его появленіи не могли вполне оцѣнить степень его таланта; — подождемъ слѣдующихъ его дебютовъ. О прочихъ лицахъ намъ пришлось бы повторить сказанное уже нами; не можемъ однакожъ не прибавить, что на-сколько г-жа Кохъ подаетъ надежды, на-столько почти мы сомнѣваемся въ будущихъ успѣхахъ г-жи Фиданца. Намъ кажется, что у этой цѣвницы мало данныхъ для сцены.

Во вторникъ дебютировалъ на сценѣ Александринскаго Театра, въ драмѣ: *Окно во второмъ этажѣ*, и комедіи-водевилѣ: *Жена какихъ много или мужъ какихъ мало*, актеръ

харьковского театра г. Пронскій. Въ нашихъ Вѣстяхъ изъ городовъ имя г. Пронскаго неоднократно упоминаемо было съ похвалами и мы крайне сожалѣемъ, что намъ не удалось быть на первомъ его дебютѣ. Мы слышали однакожъ отъ бывшихъ въ театрѣ, что онъ имѣлъ успѣхъ. По мнѣнію одного изъ нашихъ театраловъ, настоящее мѣсто г. Пронскаго въ комедіи и водевилѣ, въ которыхъ игра его развязна и естественна, но въ драмѣ, хотя опъ и играетъ правильно и не портитъ своей роли, онъ холоденъ и однообразенъ. Вообще г. Пронскій отличается хорошими манерами, навикомъ къ сценѣ и прекрасною наружностью. Для эмплуа *jeune premier* онъ могъ бы быть прекраснымъ помощникомъ г. Максимуму 1. Впрочемъ судить о талантѣ нашего гостя положительно невозможно, потому что на нашихъ сценахъ съ робостію и волненіемъ выходятъ даже и европейскіе таланты и конечно г. Пронскій долженъ былъ заплатить дань въ свою очередь. Вотъ мнѣніе театрала; насколько оно справедливо, постараемся повѣрить при слѣдующихъ дебютахъ г. Пронскаго.

— На Михайловскомъ Театрѣ бенефисы французскихъ артистовъ продолжаются по субботамъ. Въ бенефисъ г-жи Лемениль дѣвали комедію Гозлапа: *Il faut que jeunesse se passe*, т. е. что обыкновенно приходится поплатиться за грѣшки нашей молодости. Содержаніе пьесы было уже разсказано въ Иностранномъ Вѣстникѣ. Мысль автора заключается въ томъ, что пожалуй въ молодости можно пошалить, но слѣдуетъ остерегаться писать письма къ прекрасному полу, въ особенности же къ женщинамъ въ родѣ холодной и корыстолюбивой гризетки Аглаи. Чтобы дойти до этого довольно незамысловатаго правоученія, авторъ необыкновенно запуталъ дѣйствіе, пьеса растянута и исполнена несообразностей и если смотрится безъ скуки, то единственно благодаря прекрасной по-обыкновенію игрѣ нашихъ артистовъ, въ особенности г-жъ Напталъ Арно, Вольннсъ и Лемениль. Въ этотъ вечеръ возобновили еще давно извѣстную и имѣвшую у насъ большой успѣхъ комедію-водевилъ: *Les souvenirs de jeunesse* (Воспоминанія молодости). Въ этой пьесѣ много забавныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательныхъ сценъ и возобновленіе ея доставило публикѣ истинное удовольствіе.

Г-нъ Поль Бондуа выбралъ для своего бенефиса въ прошедшую субботу забавный водевилъ: *Les Canotiers de la Seine*. Содержаніе этого водевиля имѣетъ болѣе мѣстный интересъ; въ ней выведено веселое общество молодыхъ перевозчиковъ-любителей, извѣстныхъ своими полными приключеній прогулками по Сенѣ. Одинъ изъ нихъ влюбленъ въ молодую дѣвушку, которую отдаютъ за другаго; товарищи помогаютъ влюбленному. Устраненіе жениха, мѣшающаго счастью молодыхъ людей, соединеніе ихъ, — вотъ незатѣливое содержаніе водевиля; — конечно, все это сопровождается разными проказами молодыхъ людей и чрезвычайно забавными и оригинальными куплетами. Публика хохотала отъ души и вѣроятно новый водевилъ долго удержится въ репертуарѣ. Въ заключеніе всѣ участвовавшіе въ водевилѣ артисты исполнили кадрили, какъ водится, съ *канканомъ*. Въ особенности г-жи Мальвина и Террикъ, гг. Дешанъ и Пешна отличались размахистыми, сво-

бодными, по нашему мнѣнію слишкомъ уже размахистыми движеніями, но большинство было въ восторгѣ; — шумныя рукоплесканія и *bis* раздавались по залѣ. Невольно какое-то грустное чувство овладѣло нами; вотъ каковъ современный вкусъ подумали мы себѣ, вотъ что нужно, чтобы развлечь публику! Намъ въ особенности жалко стало артистовъ, которые должны кобениться на всѣ стороны, для того чтобы позабавить публику, — а право подобные танцы должны бы только возбуждать чувство отвращенія. Давали еще въ этотъ вечеръ водевилъ: *Une dent de sagesse* (Зубъ премудрости), но это ни болѣе ни менѣе какъ пѣска для съѣзда; *La fiole de Cagliostro* (Эликзиръ Каллиостро) старинный водевилъ съ переодѣваніями, написанный еще для знаменитой Дежазе и въ которомъ г-жа Луиза Мейеръ является то веселенькой старушкой, то наивной молоденькой дѣвушкой и въ особенности естественно передала типъ добродушной, но вмѣстѣ съ тѣмъ капризной старушки, и въ 1-й разъ комедію-пословицу: *Il n'est pure eau que l'eau qui dort* (Въ тихомъ омутѣ черти водятся). За исключеніемъ первой сцены, которая намъ казалась растянутой, пѣска написана живо, занимательно и смотрится съ интересомъ. Сюжетъ понятенъ уже изъ заглавія: двѣ молодыя дѣвушки, одна чрезъ чуръ скромна, другая чрезъ чуръ бойка, а на дѣлѣ выходитъ, что скромная перещеголяла бойкую нескромностію. Повторяемъ, пѣска забавна, языкъ изящный и притомъ была разыграна лучшими нашими артистами: г-жами Напталъ Арно, Роже-Солье, Вольннсъ и гг. Мондидье, Бертономъ и Полемъ Бондуа. Г-жа Арно явилась въ началѣ пьесы очаровательной амазонкой; — ея бойкая, одушевленная игра вызвала самыя восторженныя рукоплесканія; впрочемъ г-жу Арно постоянно встрѣчаетъ публика какъ свою любимицу. На афишѣ не выставлено имя автора новой пословицы, но мы слышали, что она принадлежитъ перу г-на Арно. На долю бенефицианта достались двѣ незначительныя роли, но при появленіи его онъ былъ встрѣченъ радушно.

Въ антрактѣ г-жа Тереза Понта (графиня де ла Розе) съ большимъ искусствомъ и чувствомъ исполнила трудную пьесу на цитрѣ; — ей аккомпанировала сестра ея Женни Понта, отличная пианистка. Цитра въ настоящее время входитъ все болѣе и болѣе въ моду, и хотя это инструментъ неблагоприятный для концертовъ и даже въ большой залѣ утрачиваетъ всю свою прелесть, но въ гостиной это весьма приятный инструментъ, въ особенности когда на немъ играетъ дама. Артистическое семейство Понта пользуется извѣстностію за границей, въ особенности въ Германіи; оно состоитъ изъ трехъ сестеръ (3-я пѣвица), принадлежащихъ знатной фамиліи, но по страсти своей къ музыкѣ посвятившихъ себя этому искусству. Въ особенности Тереза, владѣющая тоже прекраснымъ голосомъ, обнаружила необыкновенное влеченіе къ театру и съ успѣхомъ являлась въ разныхъ операхъ въ Германіи. На цитрѣ, какъ мы убѣдились, она достигла возможнаго совершенства и спѣшимъ сообщить нашимъ читательницамъ, что г-жа Тереза Понта намѣрена заилія уроками на цитрѣ, также и сестра ея Женни желаетъ посвятить себя преподаванію на фортепіано (она тоже являлась съ успѣхомъ въ публичныхъ концертахъ). Советуемъ нашимъ

любительницам воспользоваться этим случаемъ и желающимъ сообщаемъ адресъ талантливыхъ артистокъ *)).

На прошедшей недѣлѣ мы успѣли побывать въ Бѣлокаменной, полюбоваться московскимъ Большимъ Театромъ и познакомиться съ московскими артистами, видѣли *Корсара* на московской сценѣ, слушали *Марту*, *Травиату*, — но обо всемъ этомъ сообщимъ вамъ въ будущее воскресенье.

М. РАППАПОРТЬ.

АЙРА-ЭЛДРИДЖЪ.

III.

Биографическій очеркъ.

Представляемый здѣсь биографическій очеркъ тепершняго *властителя нашихъ думъ* является позже, чѣмъ предполагалось, и за недостаткомъ самыхъ даже необходимыхъ свѣдѣній, въ столь неполномъ видѣ, что не заслуживаетъ названія очерка: это не болѣе, какъ биографическія замѣтки. Онъ извлеченъ изъ вышедшей въ 1853 году въ Берлинѣ брошюры: *Leben und Künstler-Laufbahn des Negers Ira Aldridge*, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ доставленныхъ мнѣ въ рукописи подробностей, впрочемъ весьма не важныхъ; Берлинская же брошюра болѣе занимается защитою Негрскаго племени противъ изводимыхъ на него напраслинь, нежели жизнеописаніемъ знаменитаго актера.

Въ одной изъ предыдущихъ статей мимоходомъ сказала я, что жизнь его имѣетъ много общаго съ жизнью самаго Отелло. При первомъ уже выходѣ на сцену, обращаясь къ Яго, говорить онъ между прочимъ:

I fetch my life and being
From men of royal siege... *)

и эти слова прямо относятся къ г. Айра-Элдриджу, дѣду котораго княжилъ надъ однимъ изъ Фулахскихъ племенъ на Сенегалѣ, на западномъ прибрежьи Африки. Этотъ Негритяскій царекъ, движимый отчасти врожденной кротостью, отчасти совѣтами блуждавшаго въ тѣхъ странахъ Американскаго миссіонера, сталъ хоть нѣсколько заботиться о смягченіи нравовъ дикихъ своихъ подданныхъ и предложилъ имъ отпускать военнопленныхъ за выкупъ, а не продавать ихъ въ рабство. Слѣдствіемъ такой челоѣколюбивой попытки было кровопролитное возмущеніе. За три дня до умерщвленія несчастнаго князя со всѣмъ его семействомъ Американскій миссіонеръ успѣлъ спасти сына его и бѣжать съ нимъ въ Америку, гдѣ талантливый молодой челоѣкъ былъ воспитанъ, принялъ Христіанскую вѣру и поступилъ въ духовное званіе, въ которомъ снискалъ полное уваженіе и любовь черныхъ своихъ мѣрянъ. Женившись также на черной, Данилъ Элдридж рѣшился отправиться въ Африку, чтобы послѣ смерти похитителя престола возвратитъ себѣ законное наслѣдіе и проповѣдать Евангеліе несчастному своему народу. Надежды его однако же не осуществились; — возгорѣлась междоусобная война; партія его была разбита на голову; самъ предводитель съ женою и маленькимъ сыномъ, нацимъ Айрою, долженъ былъ цѣлыя девять лѣтъ скитаться по окрестнымъ

страпамъ, скрываясь отъ поисковъ ярыхъ враговъ своихъ, перенося различныя бѣды и опасности, подобныя тѣмъ, о которыхъ рассказывалъ Отелло влюбленной Дездемонѣ. Г. Айра-Элдридж помнитъ, что будучи восьмилѣтнимъ ребенкомъ игралъ онъ разъ у дверей хижины, въ которой они скрывались; вдругъ прохидитъ мимо цѣлая толпа вооруженныхъ, и замѣта въ ребенкѣ нѣкоторое сходство съ бѣглымъ отцомъ, начали спрашивать о немъ у хозяйки дома, которая прехладнокровно отвѣтила, что это ея внукъ, и такимъ образомъ спасла жизнь нашему артисту. Одинъ изъ приверженцевъ гонимаго князя доставилъ ему безопасный случай возвратиться съ женою и дѣтьми въ Нью-Йоркъ, гдѣ навсегда поселившись, занимался онъ проповѣдью Слова Божія среди черныхъ своихъ соотечественниковъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1840 году. Матери лишился Айра-Элдридж гораздо ранѣе, именно въ 1818 году; братъ его зарѣзанъ былъ лѣтъ съ десять тому назадъ въ Новомъ-Орлеанѣ, въ слѣдствіе какой-то ссоры съ бѣлыми, просвѣщенными гражданами! Не было ни изслѣдованія, ни суда, потому что въ Америкѣ однимъ Негромъ больше или меньше—это рѣшительно все равно!

Хотя пасторъ Данилъ Элдриджъ приготовлялъ старшаго своего сына къ духовному званію, но тотъ показывалъ рѣшительную склонность къ поэзіи и драматическому искусству, постоянно получая отъ учителей награды за декламацию, въ чемъ не могъ сравниться съ нимъ ни одинъ изъ его товарищей; наконецъ, въ первый разъ увидя театральное представленіе, молодой Айра до того былъ изумленъ, восхищенъ, околдованъ зрѣлищемъ, превзошедшимъ всѣ его мечты и ожиданія, что разъ на всегда рѣшился быть актеромъ, истолкователемъ не только своихъ, но и всеобщихъ мыслей и чувствованій.

Кто не знаетъ Сѣверо-Американскихъ нравовъ и обычаевъ, тотъ и представить себѣ не въ силахъ, до какой степени предпріятіе Айра-Элдриджа было отважнымъ и пелыханнымъ. Довольно быть уроженцемъ Африки, быть чернымъ, чтобы въ глазахъ бѣлаго, свободнаго народонаселенія служить всегдашнимъ предметомъ самаго оскорбительнаго, нечелоѣческаго презрѣнія: *a nigger* — это позорная кличка тамошнихъ рабовъ и паріевъ! Понятно, что для нихъ не доступны общественныя забавы и удовольствія, которыми наслаждаются бѣлые, что для черныхъ закрыты въ Нью-Йоркѣ театры, изъ которыхъ въ одномъ только (*Park*) дозволяется имъ бывать, и то лишь на самой верхней, темной галлерей; тамъ сидятъ они безъ разбора, порядочные вѣдь съ всякой сволочью; тамъ-то понялъ молодой Элдриджъ, что значитъ быть создану природою иначе, нежели бѣлые люди! и это было причиною, что онъ долженъ былъ пропускать нерѣдко лучшія театральныя представленія. Но для сильной воли нѣтъ серьезныхъ препятствій. Разучивъ роль Роллы въ Шеридановомъ *Пицарро*, Элдриджъ леботировалъ въ ней весьма удачно на какой-то домашней сценѣ, гдѣ играли только черные актеры, большіе сверхъ того охотники до Шекспира. Если великій писатель въ черномъ своемъ Отелло создалъ обще-челоѣческій характеръ, если лучшіе артисты нашей бѣлой Европы въ этой именно роли

*) На Фонтанкѣ, на углу Италіанской, въ д. Воронина (быв. Алексѣева).

*) Я происхожу отъ царской крови.

искали знаменитости, если чернилась прелестная Малибран, чтобы испытать *fiasco* въ партіи Отелло Россини, то въ свою очередь Африканскіе черные артисты, сочувствуя великому Шекспиру, безнаказанно могут усвоить себѣ его характеры, не бѣясь даже и не румянясь. У насъ на сценѣ, среди бѣлыхъ каждый Отелло обязанъ явиться чернымъ; но гдѣ черны всѣ Венеціанцы, Веронцы или Мантуанцы, тамъ Дездемона, Юлія, Ромео, Офелія могутъ оставаться черными! Такого по крайней мѣрѣ мнѣнія были черные Нью-Йоркскіе актеры: Айра-Элдриджъ игралъ Ромео. Бѣлые Американцы, въ бѣшенствѣ и негодованіи на подобную дерзость противъ искусства и природы, посредствомъ полиціи разогнали труппу талантливыхъ Негровъ, которые, по твердому убѣжденію черенкой Юліи, могли нанести смертный ударъ всѣмъ бѣлымъ актерамъ Америки! Путешествовавшій тогда по Соединеннымъ Штатамъ знаменитый актеръ Матьюсъ видѣлъ Айра-Элдриджа въ *Гамлетъ* и въ запискахъ своихъ рассказываетъ про него забавныя небылицы.

По закрытіи Негритянскаго театра, Айра-Элдриджъ хлопоталъ себѣ черезъ одного изъ школьныхъ своихъ товарищей, который носилъ въ Чатамскій театръ костюмы актера Воллака, дозволеніе стоять за кулисами; послѣ же смерти услужливаго товарища занялъ его мѣсто, вопреки волѣ отца служилъ Воллаку и единственной для себя наградой считалъ возможность изъ за кулисъ вслушиваться въ театральныя представленія, изучать драматическое искусство. Но не долго наслаждался онъ такимъ блаженствомъ. Епископы Брентонъ и Мильнеръ, обративъ вниманіе на необычайныя способности молодаго челоука, помѣстили его въ *Shenectady-College*, гдѣ онъ обязанъ былъ посвятить себя богословскимъ наукамъ; но какъ и на этомъ проприщѣ черные не могутъ ожидать въ Америкѣ никакого поощренія, то Айра-Элдриджа отправили въ Шотландію. Въ Глазговскомъ университетѣ онъ прилежно учился подъ руководствомъ профессора Сандфорда и за диссертацию на Латинскомъ языкѣ получилъ медаль и много наградъ. Не взирая однако же на всѣ эти успѣхи, какая-то невѣдомая, непреодолимая сила тянула Латиниста въ театръ, общая среди Англичаиъ болѣе спусхожденія къ черному его лицу. Вооруженный письменной рекомендаціей актера Воллака, Айра-Элдриджъ поѣхалъ въ Лондонъ и дебютировалъ тамъ на сценѣ *Royalty*, на которой вскорѣ явился въ *Отелло* съ столь рѣшительнымъ успѣхомъ, что былъ приглашенъ директоромъ театра *Coburg* исполнять роли Гамбін, Отелло, Ороноко, Зарамбо и многія другія.

Въ это время случилось съ нимъ, если хотите — еамое обыкновенное въ жизни нашей происшествіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самое странное, самое романическое: *was strange, was passing shange!*... Въ одно изъ представленій, въ которомъ участвовалъ Айра-Элдриджъ, его пригласила въ ложу къ какому-то важному представителю графетва Берхкъ и члену Парламента; покуда тотъ разсыпался въ похвалахъ и комплиментахъ, нашъ актеръ успѣлъ дотога обворожить дочь его, что эта новая Дездемона тутъ же рѣшилась для него оставить все на свѣтѣ и шесть недѣль спустя была

женою Элдриджа, который при сздаваніи съ ея родными осмѣлился сказать имъ слова Шекспира:

That I have ta'en away this old man's daughter,
It is most true; true, I have married her *).

Хотя почтенный лордъ былъ, можетъ быть, вполне согласенъ съ мнѣніемъ Брабантіо (потому что въдѣ Англія правнучка покойницы Венеціи), но въ свою очередь г-жа Элдриджъ совершенно раздѣляла убѣжденія причудливой Дездемоны.

And saw Othello's visage in his mind. *)

Нельзя не сознаться, что если нѣсколько и измѣнилось лицо его, то стало еще привлекательнѣе отъ времени и опытности. Г-жа Элдриджъ постоянно сопровождаетъ своего мужа въ артистическихъ его путешествіяхъ и была свидѣтельницей всѣхъ его терзествъ и побѣдоносныхъ походовъ въ Англію и на твердой землѣ.

Слѣдующія семь лѣтъ г. Айра-Элдриджъ провелъ въ провинціи, играя на разныхъ сценахъ, серьезно изучая великихъ писателей и сценическое искусство. Это скромное уединеніе было для него высшей, послѣдней школой, послѣ которой сталъ онъ тѣмъ уже, чѣмъ мы его теперь видимъ. Изъ провинціи неслись о немъ въ Лондонъ самые лестные отзывы, заранѣе приготовляя ему ниувдаемую славу. Не смотря на все это, директоръ Дублинскаго театра Колькрафтъ ни за какія блага не рѣшался ангажировать чернаго актера, считая для себя подобный поступокъ чѣмъ-то крайне *унизительнымъ и пошлымъ*; но Айра-Элдриджъ, не сомнѣваясь въ успѣхѣхъ, пріѣхалъ въ Дублинъ на свой счетъ и былъ приглашенъ, какъ гость, на извѣстное число представлений. Знаменитый Эдуардъ Кинъ, котораго ожидали тогда въ столицу Ирландіи, терпѣть не могъ, если незадолго до его пріѣзда кто-нибудь игралъ въ любямыхъ его роляхъ; и какъ по несчастью роль Отелло была одною изъ нихъ, то требовали, чтобы Айра-Элдриджъ въ первый разъ игралъ въ роли Занги; но онъ поставилъ на своемъ и дебютировалъ въ *Отелло* (въ декабрѣ 1831 года). Дублинъ обезумѣлъ отъ восторга; сентиментальныя Ирландки о немъ только и твердили; въ театрѣ встрѣчали и провожали его огушительныя рукоплесканія и крики. Между тѣмъ пріѣхалъ Кинъ, увидѣлъ игру молодаго Элдриджа и съ *обыкновеннымъ своимъ добродушіемъ* (такъ выражается Берлинская брошюра) вручилъ ему покровительственное письмо къ директору Баевскаго театра. Въ этомъ добродушномъ письмѣ я вижу непомѣрную спѣсь и зависть. Вотъ его: «Любезный Беллами. Я позволяю себѣ рекомендовать вамъ г. Элдриджа, Африканскаго Росція, представленія котораго доставили мнѣ большое удовольствіе. Онъ весьма искусенъ и подъ вашимъ разумнымъ руководствомъ безъ сомнѣнія понравится. Я послѣ путешествія не успѣлъ еще отдохнуть; надѣюсь однако же черезъ два или три дня снова сдѣлаться Киномъ. Дублинъ, 3 января 1832 года. Вашъ Кинъ».

Въ Дублинѣ Кинъ снова сталъ Киномъ, а Айра-Элдриджъ отправился въ Баевъ, гдѣ его приняли съ большимъ еще восторгомъ. Изъ Баева продолжалъ онъ свое торжественное

*) Что я похитилъ дочь этого старца, — совершенная правда; правда, что я женился на ней.

**) И видѣла лицо Отелло въ душѣ его.

путешествіе по многимъ городамъ Великобританіи, и если бы исчислить всѣ высокопарныя фразы, всѣ знаки уваженія и похвалы, которыхъ онъ тогда удостоился, то надобно было бы написать особую книгу.

Возвратясь въ Дублинъ лѣтомъ 1833 года, г. Эддриджъ съ большимъ успѣхомъ дебютировалъ въ *Заговоръ Чіеско Шиллера*. Репертуаръ его замѣтно увеличивался. Въ Эдинбургѣ создалъ онъ между прочихъ роль Шейлока, и наконецъ вторично пріѣхавъ въ Лондонъ, въ первый разъ явился на Ковентгарденской сценѣ въ *Отелло*. Лондонская публика пришла также въ неописанный восторгъ; послѣ окончанія пьесы всѣ поднялись съ мѣстъ своихъ, бросали вверхъ шляпы и платки; рукоплесканія и крики не умолкали. Но это торжество было весьма не продолжительно. Ничѣмъ необъяснимыя капризы Лапорта, тогдашняго директора Ковентгарденскаго театра, ловкія продѣлки, выраженіемъ которыхъ были вѣроятно подкупленные журналисты, а тайнымъ, незримымъ двигателемъ кто нибудь повыше, поважиѣ, короче сказать—гнусная интрига не дозволила г. Айра-Эддриджу не только сдѣлаться въ Лондонѣ любимымъ народнымъ актеромъ, но даже остаться на сценѣ Ковентгарденскаго театра, гдѣ игралъ онъ всего лишь четыре раза. Правда, въ Англіи нельзя безъ основательныхъ причинъ ни говорить, ни дѣйствовать, а причинъ къ преслѣдованію этого артиста не было; но на свѣтѣ есть оружіе, сильнѣе всякихъ причинъ и доводовъ, сильнѣе всякой Англіи, сильнѣе всякаго общественнаго мнѣнія—насмѣшка! Видя на сценѣ прелестную, тогда еще незамужнюю Эленъ-Три въ роли Дездемоны вмѣстѣ съ г. Эддриджемъ, завидуя взаимнымъ ихъ сценическимъ преимуществамъ, ревнуя Дездемону къ черному пришелицу, подняли обонхъ на зубы, безпощадно, язвительно издѣваясь надъ *затѣей Интра* итти въ актеры. Во всемъ этомъ отчасти видно было вліяніе нѣкоторыхъ пріѣзжихъ изъ Америки актеровъ, которымъ забыть роли свои гораздо легче, нежели одну, постоянную, всѣмъ Сѣверо-Американцамъ общую роль *yankee!* Но Айра-Эддриджъ тогда уже и не думалъ спускать презрительную фамильярность и нахальные выходки подобнаго Янкеизма, которому до сихъ поръ еще противопоставляетъ хладнокровіе и достоинство въ собственныхъ своихъ поступкахъ. Какъ бы то ни было, во время дебютовъ его на Ковентгарденской сценѣ театральная критика *честныхъ* журналовъ и газетъ оставалась на его сторонѣ; сверхъ того, снискалъ онъ уваженіе многихъ замѣчательныхъ современниковъ, извѣстныхъ безукорызненнымъ благородствомъ характера, каковы Даніилъ Брустеръ, Графъ Честерфильдъ, Марія Малибран, Тюажскій Архіепископъ и другіе почтенные люди, письма которыхъ хранятся у г. Айра-Эддриджа.

Передъ отъѣздомъ изъ Лондона далъ онъ еще два представленія на сценѣ *Surry-Theatre* и потомъ игралъ въ разныхъ городахъ Англіи, откуда постоянно долетали до столицы восторженные отзывы журналовъ.

Въ 1838 году получилъ онъ торжественный адресъ Нижней Палаты Сентъ-Доминго, которая пожаловала ему званіе адъютанта при тогдашнемъ Президентѣ. Между тѣмъ, г. Эддриджъ, объѣхавъ провинціи, снова приглашенъ былъ въ

Лондонъ директоромъ театра *Surry*; и хотя на этотъ разъ ихъ предпріятіе не увѣчалось полнымъ успѣхомъ, но великій артистъ вполне оцѣненъ былъ лучшими столичными рецензентами, которые сравнивали его съ Гаррикомъ, по изумительной способности глубоко трогать въ трагедіи и до смерти смѣшить въ комедіи, и наконецъ признали Айра-Эддриджа однимъ изъ первѣйшихъ въ Европѣ артистовъ.

О жизни его за время отъ 1838 по 1853 миѣ ничего не извѣстно, потому что Берлинская брошюра, обходя это время совершеннымъ молчаніемъ, внезапно переноситъ г. Эддриджа на разные сцены Германіи и преимущественно говоритъ о торжествѣ его въ столицѣ Пруссіи, гдѣ удостоился онъ получить званіе почетнаго члена Королевской Академіи Наукъ и Художествъ и гдѣ Е. В. Король собственноручно пожаловалъ ему большую золотую медаль. Играннымъ въ Берлинѣ роли Отелло, раба Мунго (въ комедіи *Padlock*), *Лира*, *Макбета*, *Шейлока* вызвали въ *Preussische Zeitung* за 5, 9, 15 и 16 января 1853 года цѣлый рядъ превосходныхъ критическихъ статей объ этихъ характерахъ, преимущественно о *Макбетѣ*, какъ о совершеннѣйшемъ твореніи Шекспира. Прощаясь съ Берлинской публикой, г. Айра-Эддриджъ произнесъ трогательный эпитогъ въ стихахъ своего сочиненія, былъ закиданъ букетами и оглушенъ громогласными криками и рукоплесканіями. Подобныя же торжества встрѣчали его повсюду: въ Брюсселѣ, Ахенѣ, Франкфуртѣ, Кѣльнѣ, Боннѣ и проч.

Въ прошедшемъ 1857 году г. Эддриджъ приглашенъ былъ въ Стокгольмъ играть со Шведскими актерами, что онъ исполнилъ съ большою охотой, на опытѣ убѣдясь, что иностранная публика не въ состояніи была вполне оцѣнить талантъ его, когда онъ возилъ съ собой Англійскую труппу. Въ Стокгольмѣ былъ онъ принятъ великолѣпно какъ тамошними артистами, такъ и всюю публикой вообще, которая провожала его въ числѣ 2000 или 3000 до самаго парохода. Возвратясь въ Лондонъ, побывавъ въ Шотландіи и Ирландіи, снова очутился онъ въ Германіи. Въ Саксенъ-Мейнингенѣ далъ три представленія и получилъ отъ Герцога Эрнестинскій орденъ и тамошнюю медаль за отличіе. Послѣ того отправился въ Пешть, гдѣ встрѣтилъ еще сильнѣйшій энтузіазмъ во всѣхъ образованныхъ классахъ народа, ежедневно играя то на Мадырской сценѣ, то на Нѣмецкой, начавъ съ *Короля Лира* на первой изъ нихъ. По окончаніи дебютовъ г. Айра-Эддриджа Венгерскіе магнаты устроили въ честь ему блистательный пиръ въ *Hôtel le t'Europe*, осыпавъ артиста многими подарками, изъ которыхъ самый замѣчательный серебряный чайный сервисъ. За этимъ пиромъ послѣдовалъ другой, данный въ томъ же отелѣ артистами обонхъ театровъ. Сверхъ того, г. Эддриджъ получилъ званіе почетнаго члена Мадырской драматической консерваторіи (*Histrionie-Conservatorium*), и такъ произнесъ на Англійскомъ языкѣ ученую рѣчь о Шекспирѣ, Шиллерѣ и Гётѣ, сочиненія которыхъ извѣстны въ подлинникѣ каждому образованному Венгерцу и всѣ почти превосходно, добросовѣстно переведены на языкъ Мадырскій, служа лучшимъ украшеніемъ народной сцены, не запятанной еще вычурами Парижскихъ театральныхъ поставщиковъ.

Изъ Пешта г. Айра-Элдриджъ отправился въ Ригу, гдѣ принять былъ отлично; въ послѣдній дебютъ вручили ему отъ имени Его Свѣтлости Князя Суворова драгоценный подарокъ. Совсѣмъ тѣмъ, Остзейскіе знатоки и цѣнители драматическаго искусства, которыхъ бездна и въ Петербургѣ, находятъ, что г. Элдриджъ играетъ черезъ-чуръ натурально (*zu natürlich*), что гдѣ естественность, тамъ нѣтъ искусства, что въ дѣйствительной жизни это хорошо, но не на сценѣ и проч. Мало ли чего не говорятъ знатоки и цѣнители! *Des Gewüsches satt*, дополнию лучше біографическій очеркъ нашего гостя шуткой одного Англійскаго журналиста, который, видя возбужденный г. Элдриджемъ всеобщій восторгъ или фуроръ, примѣнилъ Латинскую поговорку къ странному его имени Айра: *Ira est furor brevis* или: гнѣвъ — кратковременное бѣшенство, бѣснованіе, безуміе, т. е. возбуждаемый Айрою фуроръ не продолжителенъ. Изъ этой шутки видно, что публика вездѣ публика, что возвышенные вопросы искусства и науки могутъ занять ее на самое лишь короткое время, что ее всегда и вездѣ занимаютъ преимущественно вопросы матеріальнаго благосостоянія. Теперь у насъ только и говорятъ что про Шекспира да Айра-Элдриджа; недѣлю спустя мы останемся *sine Ira et studio!*...

К. ЗВАНЦОВЪ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ КОМПОЗИТОРЫ — ФОРТЕПИАНИСТЫ

ПРОШЕДШАГО И НАСТОЯЩАГО СТОЛѢТІЯ И ВЛІЯНІЕ ИХЪ НА МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО.

Антонъ Коитскаго.

XII.

Въ октябрѣ 1832 года я пріѣхалъ въ Вѣну, съ намѣреніемъ познакомиться лично съ учителемъ и плодовитымъ композиторомъ Карломъ Черни, равно для изученія контрапункта, инструментовки и композиціи вообще, подъ руководствомъ профессора гармоніи и композиціи, г. Блюменталя (ученика Фоглера). Въ Вѣнѣ я прожилъ три года, то-есть до 1835 года, и занимался серьезно искусствомъ музыки, углубляясь во всѣ тайны гармоніи; игралъ и разбиралъ всѣ партитуры симфоній Гайдна, Моцарта, Бетховена, пота въ поту, изучалъ все наизусть до такой степени, что былъ въ состояніи написать цѣлую партитуру какой-либо изъ этихъ симфоній точка въ точку безъ малѣйшей ошибки, такъ какъ ихъ написалъ авторъ. Такимъ образомъ я началъ пробовать самъ сочинять небольшія увертюры для оркестра, концерты для фортепіано, и наконецъ взялся даже за ораторію «Die Glocke» Шиллера, которая была исполнена въ Вѣнской консерваторіи въ 1835 году.

Въ теченіи этого времени я подружился съ многими славными артистами, а именно съ Карломъ Черни, съ Майседеромъ, съ Бемомъ, съ Фишхофомъ, съ Хальмомъ, съ Делеромъ и съ Тальбергомъ. — Сколько счастливыхъ минутъ, сколько наслажденій имѣлъ я въ теченіи трехъ лѣтъ моего пребыванія въ Вѣнѣ, я не въ состояніи вамъ описать ихъ, любезные мои читатели, тѣмъ болѣе что мнѣ было въ это время лишь только четырнадцать лѣтъ;—я тогда жилъ весь

для искусства и насыщалъ мою душу самою изящною музыкою! Моцартъ, Гайднъ, Бетховенъ, три свѣтила музыкальнаго міра, господствовали въ душѣ моей: я лишь только для нихъ существовалъ. По три раза въ недѣлю мы собирались, чтобъ играть тріо, квартеты, квинтеты этихъ великановъ музыки—я всякій день имѣлъ бепуаръ для нашего семейства въ театрѣ «Kärtner-Thor»; — тамъ сидя въ уголку, слушалъ я очаровательно-трогательныя оперы: *Донъ-Жуанъ, Свадьба Фигаро, Волшебная флейта, Il matrimonio segreto, Фиделио, Волшебный стрѣлокъ*, исполненные славнѣйшими пѣвцами, т. е., Вильдомъ, Штаудигелемъ, Брайтнингомъ, г-жами Лева, Еристъ, Хейнефетеръ и пр. Эти чудесныя оперы услаждали жизнь мою, и въ эти минуты я все забывалъ, душа моя наполнялась очаровательною гармоніею этихъ волшебныхъ мелодій, которыя преслѣдовали меня во снѣ до такой степени, какъ будтобы я слышалъ наяву всѣ эти оперы!—Что можно сравнить съ музыкою?—что можетъ лучше музыки выразить этотъ интимный разговоръ души съ душой?—Когда нѣсколько нотъ драматической или трогательной мелодіи заставляють сердце трепетать, слезы невольно текутъ по лицу, дрожь пробѣгаетъ по всѣмъ членамъ, человѣкъ бьется дышать, чтобъ не потерять ни малѣйшаго звука, и углубленный во всѣ тайны души забываетъ все, все! Кромѣ того, что эта музыка перенесла его волшебнымъ образомъ въ чужой край, въ край небесный, гдѣ благо дѣлается душѣ и гдѣ человѣческая мысль возвышается до безконечности на крыльяхъ чудесной гармоніи, гармоніи, которую ничѣмъ замѣнить невозможно!—Но гдѣ же эти времена?—почему они прошли такъ незамѣтно?—Время, это самое драгоценное въ человѣческой жизни, оно прошло для меня слишкомъ скоро, тѣмъ скорѣй, что я былъ тогда молодъ, полонъ иллюзіи, жилъ въ будущемъ, а иллюзія проходитъ тѣмъ скорѣй, чѣмъ глубже человѣкъ входитъ въ артистическую жизнь.

Въ это время Вѣна была столицей самой блестящей. Зимой, кромѣ оперы, не было дня, когда бы не было концерта или музыкальнаго вечера, гдѣ играли или пѣли славнѣйшіе артисты Европы. Три молодыхъ піаниста, добивающихся славы на артистическомъ поприщѣ, были въ одно и то же время въ Вѣнѣ: Тальбергъ—21 года, Делеръ—18 лѣтъ, и я—15-ти; но хотя мы соперничали въ искусствѣ, но все-таки оставались хорошими друзьями. Ревность—чувство низкое, которое убиваетъ величайшіе таланты, была намъ чужда; мы любили другъ друга; успѣхъ одного изъ насъ былъ общою радостію, общимъ наслажденіемъ, общимъ восторгомъ!—Любители музыки цѣнили нашу взаимную дружбу, и нерѣдко случалось имъ слушать насъ въ одномъ и томъ же концертѣ или музыкальномъ вечерѣ. Делеръ былъ человѣкъ деликатный, скромный и въ обращеніи очень милый; этотъ типъ отражался вполне въ его сочиненіяхъ. Кто жъ изъ васъ, любезные читатели, не игралъ этого прелестной композиціи *Nocturne (en Ré-bémol majeur)*, посвященной принцессѣ Бельджіозо! — Сколько тамъ меланхоліи, соединенной съ граціозностью, которая была главнымъ достоинствомъ его игры и его сочиненій; мелодіи его отличались нѣжностью, чистою простотою, которая поневолѣ трогала слуша-

телей; его игра была отчетливая до невозможности, но преимущественно его пассажи октавами были непостижимой быстроты и продолжительности; я никогда не забуду того впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на всѣхъ слушателей, а въ особенности на меня, исполненіемъ славной мелодіи Шуберта *Der Erl-König*, гдѣ во время всей мелодіи аккомпаниментъ составленъ изъ октавъ (въ триолахъ) въ самомъ скоромъ темпѣ, съ постоянными перемѣнами *crescendo* и *decrescendo*; это исполненіе казалось чѣмъ-то волшебнымъ; быстрота рукъ могла только сравниться съ электрическою быстротою; за-то когда онъ кончилъ играть, во всемъ залѣ раздался единогласный крикъ *bravo, bis*, а аплодисменты и вызовы были безконечны. Пріятно миѣ было видѣть восторгъ публики, а тѣмъ пріятнѣе, что Дёлеръ видѣлъ насъ всѣхъ артистовъ вокругъ себя, искренно счастливыхъ его успѣхомъ, потому что онъ былъ любимъ всѣми. Счастливы были эти минуты жизни, когда мы всѣ вмѣстѣ стремились къ искусству, и помогая другъ другу сердечными совѣтами, продолжали нашъ артистическій путь, какъ благородные соперники, а вовсе не какъ *соперники-враги*.

Фантазія Дёлера на мотивы изъ оперы *Анна Боленъ*, равно какъ и прелестная фантазія на мотивы изъ оперы *Вильгельмъ Тель*, доставили ему огромную репутацію, которой онъ былъ вполне достоинъ. Кромѣ выше-упомянутыхъ композицій, онъ сочинилъ *большой концертъ съ оркестромъ*, который хотя не включаетъ въ себѣ ничего особенно-оригинальнаго, однако жъ заслуживаетъ вниманія артистовъ, какъ и вообще всѣ его сочиненія, какъ-то: *Ноктурна* для фортепіано, *романсы* для пѣнія, премилые и преграціозные; ихъ могутъ всѣ играть съ большимъ наслажденіемъ. Жаль, очень жаль, что этотъ артистъ умеръ такъ молодъ: сколько хорошихъ сочиненій пропало для насъ!

Дёлеръ былъ тонко-образованный человѣкъ, владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и итальянскимъ языкомъ и имѣлъ теплое сердце; его разговоръ былъ занимателенъ, быстръ, уменъ и всегда интересенъ, но никогда не педагогическій. Любимый всѣми, онъ искренно любилъ своихъ друзей, — вотъ почему жаль миѣ славнаго артиста! жаль миѣ искренняго друга, жаль миѣ хорошаго человѣка.

Очень желательно было бы, если бы всѣ разъ навсегда, поняли, что играть хорошо, играть на какомъ-либо инструментѣ, еще не довольно. Артисты болѣе всѣхъ должны быть свѣтскими людьми, членами образованнѣйшаго круга, *представителями искусства*. Но какъ же можно блистательно и съ достоинствомъ представлять искусства, *если у насъ не будетъ тонкаго образованія!* — Артистъ долженъ имѣть *хорошее и тонкое образованіе*; тонкое обращеніе есть натуральное слѣдствіе *хорошаго и глубокаго образованія*, а хорошее образованіе необходимо для артиста. *Воображеніе, мысль, вдохновеніе* не могутъ существовать въ полномъ смыслѣ, какъ только въ человѣкѣ образованномъ, потому что, безъ образованія, *мысль, вдохновеніе, воображеніе* останутся безплодными, и въ постоянномъ заблужденіи и недоумѣніи между собою, иначе сказать — въ *хаосѣ*. Три родныя сестры, *поэзія, живопись и музыка*, нераздѣльныя искусства, поддерживающія одно другое; всѣ три требуютъ *отъ своихъ из-*

бранныхъ представителей глубокой науки, тонкаго образованія и полнаго знанія человѣческихъ чувствъ, безъ чего невозможно никакимъ образомъ быть вполне поэтомъ, живописцемъ, музыкантомъ.

Затѣмъ повторяю, есть о чемъ глубоко подумать тѣмъ родителямъ, которые хотятъ, чтобъ ихъ дѣти были *артистами*: все это кажется очень легко для всѣхъ, кто слушалъ съ восторгомъ Листа, Тальберга, Дёлера, Гензельта, Вильмерса, и пр. — Конечно это такъ, но этотъ восторгъ публики, эти вызовы, букеты, вѣнки, все спаружи кажется брилліантами, цвѣтами! а сколько подъ этими цвѣтами терній? сколько безсонныхъ ночей? сколько думъ? сколько нужно было терпѣнія, гигантской силы, твердости характера, чтобъ выдержать столько лѣтъ глубокаго изученія не упавши духомъ? Всякая тайна искусства не достигается безъ жертвъ; нужно трудиться постоянно, *механически, теоретически, практически*; развивать умъ чтеніемъ книгъ славныхъ авторовъ, потому что вдохновеніе возбуждается вдохновеніемъ, а многостороннее образованіе заставляетъ артиста смотрѣть съ высшей точки зрѣнія на искусство; тогда только можетъ онъ двинуться смѣло впередъ, а если Богъ не назначилъ ему быть *гениемъ*, то по крайней мѣрѣ онъ будетъ хорошимъ, ученымъ артистомъ.

ВОСПОМНАНІЕ О ЛАБЛАШѢ.

(Статья П. Скудо, перев. Дм. Исаева *).

Кажется, что 1858 годъ также печаленъ для искусства, какъ и прошелшій. Едва только вѣрены землѣ смертныя останки г-жи Рашель, удивлившей насъ блескомъ своего таланта, какъ пришлось снова хоронить Лаблаша, со смертію котораго осиротѣлъ театръ. Сорокъ лѣтъ подвигался съ честію этотъ великій артистъ на театральномъ поприщѣ. Если можно сказать, что со смертію знаменитой французской актрисы пала трагедія вѣка Людовика XIV, — одно изъ самыхъ благородныхъ выраженій драматической поэзіи, то можно смѣло утверждать, что съ Лаблашемъ исчезъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ типовъ древней итальянской комической оперы. Веселость бываетъ иногда личная, безотдѣльная съ существомъ человѣка, и конечно лучше слезъ — этого постоянного свидѣтельства жалобъ и неумѣстныхъ пѣжностей. Плачутъ всегда и вездѣ, объ однихъ и тѣхъ же моральныхъ причинахъ, тогда какъ смѣхъ чрезвычайно разнообразенъ, какъ и его причины, и есть признакъ характера и особеннаго образованія... «Скажи миѣ, чему ты смѣешься, и я тебѣ скажу, каковъ твой характеръ или степень твоего ума», сказалъ одинъ философъ. Точно также для насъ труднѣе понять трагедію греческую и тронуться спектаклемъ несчастія того общества, для котораго былъ на-

*) *Revue, des deux Mondes*. Мартъ книга I, 1858 г. Въ этой статьѣ мы встрѣтили весьма любопытныя свѣдѣнія о великомъ артистѣ и думаемъ, что сообщивъ ихъ читателямъ, мы доставимъ имъ удовольствіе вспомнить то былое очарованіе, въ которое приводилъ насъ Лаблашъ. Жителямъ Петербурга, слышавшимъ его, многое здѣсь покажется знакомымъ, но для пногородныхъ читателей, по нашему мнѣнію, не безынтересны будутъ свѣдѣнія о знаменитомъ пѣвцѣ, сообщенныя даровитымъ французскимъ писателемъ, который при этомъ былъ еще лично знакомъ съ Лаблашемъ, — слѣдовательно интересъ двойной.

писаны комедіи Аристофана и Менаидра. Итальянская комическая опера,—та, которая создавалась въ началѣ XVIII столѣтія чрезъ Випчи, Лео и Перголеза, распространенная стараніями Логроспино, и Пикчини, была усовершенствована Гуглиелми, Пезіелло и Чимарозо, преобразована Россини,—есть самый лучший плодъ искусства и цивилизаціи, паденіе которой мы теперь наблюдаемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что будущее дастъ намъ что-нибудь лучшее, но смѣло утверждаемъ, что уже лучшаго произведенія, какъ «le Mariage secret», и такого пѣвца, какъ Людвигъ Лаблашъ, будущій вѣкъ не произведетъ...

Лаблашъ, этотъ великій артистъ, родился въ Неаполѣ 6 декабря 1795 г., отъ французскаго негодяя, который скрылся сюда отъ смятеніи революціи 1791 года. Мать Лаблаша была Ирландка и чрезвычайно умная женщина. Отецъ артиста за свои политическія идеи былъ вмѣстѣ съ семействомъ остановленъ, но когда Іосифъ Бонапартъ сдѣлался неаполитанскимъ королемъ, то онъ приказалъ, чтобы всѣ французскія семейства, пострадавшія отъ волненій, произведенныхъ кардиналомъ Руффо вмѣстѣ съ его преверженцами, были бы вознаграждены, на-сколько это было возможно. По особому приказанію короля Италіи молодой Лаблашъ былъ принятъ въ королевскую музыкальную коллегію, единственное учрежденіе, существовавшее тогда въ этомъ родѣ. Въ этомъ заведеніи получили свое основаніе три знаменитыхъ музыкальных института XVIII ст.: — «dei Poveri di Jesu-Christo, di san-Onofrio Ula Pietà dei Turchini». Въ 1806 году Лаблашъ, одиннадцати лѣтъ отъ роду, вступилъ въ неаполитанскую консерваторію, находившуюся тогда подъ начальствомъ Тритюга и Фенароли. Сообразно съ правилами древнихъ итальянскихъ школъ, Лаблашъ занимался изученіемъ музыкальных элементовъ—*solfeggio*—и также учился на нѣсколькихъ инструментахъ; способности молодого виртуоза вскорѣ выказались, такъ что опытный глазъ могъ предвидѣть уже ту громкую славу, которую впоследствии Лаблашъ стяжалъ во всей Европѣ. Лаблашъ былъ разсѣянъ, шалупъ и чрезвычайно неослушенъ. Рассказываютъ, что одно обстоятельство, случившееся съ нимъ въ консерваторіи, опредѣляло окончательно его склонность. Одинъ изъ его товарищей готовился играть на контрабасѣ въ публичномъ концертѣ, но ученикъ вдругъ заболѣлъ за нѣсколько дней предъ концертомъ и замѣнить его было некому. Тогда учитель Лаблаша сказалъ ему: «Вы немного знакомы съ механизмомъ виолончеля, для васъ не будетъ невозможно исполнить піесу на контрабасѣ вмѣсто вашего товарища». Наступилъ день концерта и Лаблашъ оправдалъ съ полнымъ успѣхомъ то хорошее мнѣніе, которое имѣли о его способностяхъ. Если мы приводимъ этотъ рассказъ, извѣстный вездѣ, и которымъ г. Фетисъ не пренебрегъ и сохранилъ его въ Всеобщей біографіи музыкантовъ, то это еще нисколько не доказываетъ, что мы придаемъ ему особенное значеніе. Эти маленькіе рассказы, которые знаменитые люди и особенно виртуозы чрезвычайно любятъ распространять, Лаблашъ умѣлъ перелагать съ неподражаемымъ искусствомъ и постоянно увлекалъ слушателей... Любя свободу, Лаблашъ часто бѣгалъ изъ консерваторіи, по былъ

ловимъ и подъ стражею представляемъ въ свою тюрьму—такъ называлъ онъ консерваторію,—и эти его шалости принудили неаполитанскаго короля издать декретъ, существующій до сихъ поръ, по которому строго запрещалось всѣмъ антрепренерамъ театровъ принимать къ себѣ учениковъ консерваторіи безъ позволенія начальства.—Наконецъ Лаблашъ въ 1812 году дебютировалъ на небольшомъ театрѣ «San-Carlino», гдѣ давались комическія оперы на итальянскомъ языкѣ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ своихъ дебютовъ, Лаблашъ женился на дочери знаменитаго музыканта, Пипотти, а чрезъ два года уѣхалъ въ Мексику, гдѣ однако оставался всего только одинъ сезонъ и вернулся въ Палермо приглашенный пѣть тамъ большой репертуаръ итальянскихъ оперъ. Здѣсь, въ первый разъ Лаблашъ пѣлъ въ очень извѣстной оперѣ Павези «Ser Marc-Antonio», сюжетъ которой имѣетъ много сходства съ оперой Доницетти «Don Pasquale»; и успѣхъ его въ старой столицѣ Сициліи, былъ такъ рѣшителенъ и такъ всеобщъ, что директоръ театра тотчасъ ангажировалъ Лаблаша на 5 лѣтъ. Эти событія относятся къ 1820 году т. е. къ тому времени, когда вспыхнула итальянская революція. По окончаніи своего абонемена въ Палермо, Лаблашъ отправился въ Миланъ, куда былъ приглашенъ пѣть на театрѣ «de la Scala»;—тутъ онъ съ полнымъ успѣхомъ исполнилъ роль Дандини въ «Cenerentola» Россини. Возвратясь послѣ небольшого путешествія опять въ Миланъ въ 1821 году, Лаблашъ готовился пѣть въ оперѣ Меркаданти, который писалъ для него роль отца въ своемъ лучшемъ произведеніи: «Elisa e Claudio». Въ Миланѣ въ первый разъ Лаблашъ встрѣтился съ Мейерберомъ, который также писалъ для него роль въ оперѣ «Esub di Granata», исполненную г-жею Пизарони и теноромъ Винтеръ. Въ этомъ произведеніи, представленномъ въ 1-й разъ 12 марта 1822 года на театрѣ «de la Scala» въ Миланѣ, есть дуэтъ между Лаблашемъ и г-жею Пизарони, который имѣлъ большой эффектъ. Въ 1823 году Лаблашъ былъ приглашенъ знаменитымъ импрессарио Барбайо на театръ въ Вѣнѣ. Въ городѣ Гайдпа, Моцарта, Бетховена, наполненнымъ первоклассными музыкантами и виртуозами, извѣстность Лаблаша околпачительно окрѣпла. Удивлялись его превосходному голосу, его благородной и красивой наружности, его гибкой и разнообразной игрѣ, и его способности понимать различныхъ мастро... Этотъ великій артистъ былъ также спокоенъ въ «Don Juan» или «le Nozze di Figaro» какъ и въ музыкѣ Россини.—Въ Вѣнѣ онъ въ первый разъ пѣлъ въ роли Жеронима «Mariage secret» Чимарозы, которой еще тамъ не слышали, хотя начало ея относится къ 1792 году. Лаблашъ оставался въ Вѣнѣ до 1828 г., гдѣ по смерти Бетховена въ 1827 г. пѣлъ въ Requiem Моцарта, исполненнымъ въ церкви Августинцевъ. Оставляя Вѣну, Лаблашъ получилъ медаль, выбитую въ честь его и на которой была выгравирована надпись, прославлявшая двоякій талантъ Лаблаша, какъ актера и какъ пѣвца. По возвращеніи въ Неаполь, куда съ 1824 г. Лаблашъ ѣздилъ довольно часто на короткое время,—онъ пѣлъ нѣсколько времени на театрѣ «Saint Charles» съ немалымъ успѣхомъ. Послѣ освященія въ Мартѣ Большаго Театра, въ которомъ была дана опера Беллини «Zaira», Ла-

блашъ поѣхалъ въ Парижъ и дебютировалъ тамъ на Итальянскомъ Театрѣ 2-го ноября 1830 г. въ роли Жеронима «le Mariage secret». Публика, журналисты и самыя строгіе дилетанты единогласно признали Лаблаша великимъ артистомъ, владѣющимъ огромнымъ дарованіемъ. Окруженный г-жею Тадолини и Мерикъ-Лаландъ, теноромъ Давидъ *) и Цухтелли, который пѣлъ роль графа Робинзона Лаблашъ затемнилъ всѣхъ этихъ знаменитыхъ артистовъ своею величественною фигурою и своимъ могущественнымъ голосомъ. Лаблашъ исполнилъ постепенно въ Парижѣ всѣ серьезныя и комическія роли своего обширнаго репертуара; онъ пѣлъ роли Фигаро и Барголо въ «Barbier de Seville»; роли донъ Мандифино и Даппино въ «Cenerentola»; Фернандо и градопачальника въ «la Gazza ladra»; донъ-Жуана и Ленорелло въ лучшемъ произведеніи безсмертнаго маэстро; роли графа и Фигаро въ «le Nozze di Figaro»; Ельмиро въ Отелло; Асура въ Семирамидѣ; Генриха VIII въ «Anna Bolena». Пуритане, Лючія, Don-Pasquale, Elisir d'amore и другія произведенія были испытаніемъ не менѣе рѣшительнымъ для таланта Лаблаша; онъ также пѣлъ въ «Fidelio» Бетховена въ «Robert le Diable», въ Гугенотахъ и въ Сѣверной звѣздѣ, переведенной съ итальянскаго и представленной въ Лондонѣ въ 1854 году. Мы его видѣли въ Парижѣ въ 1851 г. въ оперѣ *la Tempesta* Галеви, гдѣ онъ представилъ съ удивительнымъ искусствомъ личность Калибана. Въ продолженіи 12-ти лѣтъ Лаблашъ не переставалъ быть любимцемъ парижской и лондонской публики, безпрестанно смѣняясь въ обѣихъ столицахъ; впрочемъ въ Лондонѣ онъ пѣлъ чаще во время лѣтняго сезона. Въ 1838 году онъ ѣздилъ въ Неаполь, гдѣ пѣлъ въ *Вильгельмъ Телл* Россини съ такимъ успѣхомъ, что даже встревожилось пачальство. Въ 1852 г. Лаблашъ, не хотѣвшій старѣться на парижскомъ театрѣ, принялъ весьма выгодныя предложенія, дѣлаемая уже ему издавна директоромъ Петербургскихъ Театровъ. Благородный и великій артистъ былъ принятъ весьма благосклонно Императоромъ Николаемъ I и высшимъ обществомъ столицы. Всякій годъ, окончивъ лѣтній сезонъ въ Лондонѣ, Лаблашъ предпринималъ длинный и опасный путь въ Петербургъ, весьма пзнуравшій его здоровье. Въ концѣ зимы 1857 года Лаблашъ, удостовѣрившись, что его здоровье требуетъ серьезнаго леченія, просилъ окончательнаго увольненія отъ театра. Императоръ Александръ II, выразилъ ему въ милостивыхъ словахъ свое сожалѣніе и наградилъ его почетною медалью съ правомъ носить ее на лентѣ св. Андрея. Изъ Петербурга Лаблашъ поѣхалъ въ Германію, на воды въ Киссингенъ въ Баварію, гдѣ, оставаясь два мѣсяца для излеченія, онъ опять встрѣтилъ Императора Александра II, который принялъ его снова съ отъѣннымъ радушіемъ. Не чувствуя большаго облегченія отъ киссингенскихъ водъ, Лаблашъ поѣхалъ отсюда въ Парижъ, но тутъ оставался недолго, спѣша въ Неаполь, и надѣясь, что благословенный климатъ Италіи, подъ которымъ онъ родился, будетъ для него болѣе благопріятель. Его надежды не исполнились; послѣ

продолжительной и тяжелой болѣзни, великій артистъ скончался въ Неаполѣ 23-го января 1858 года, 62-хъ лѣтъ отъ роду. Между лицами, присутствовавшими при его послѣднихъ минутахъ, былъ патеръ Кальверн, который былъ самъ виртуозъ и братъ того самаго Винтера, съ которымъ Лаблашъ пѣлъ такъ часто вмѣстѣ въ продолженіи своей долгой и блестящей карьеры. Согласно съ волей покойнаго, его смертныя останки были перевезены въ Парижъ, — городъ, который онъ очень любилъ, потому что тамъ лучше всего былъ понимаемъ и цѣнимъ. Прахъ Лаблаша поконится въ фамильномъ склепѣ въ Maison-Laffitte, гдѣ погребена его жена за два года до этого. — Лаблашъ имѣлъ 13-ть чловѣкъ дѣтей, изъ которыхъ 7 живы и всѣ идутъ прекрасно: одинъ изъ его сыновей вышелъ изъ Политехнической школы и теперь капитанъ артиллеріи...

(Продолженіе впереди.)

СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА СТРАДЕЛЛЫ.

По приказанію Венеціанской республики Александръ Страделла, настоящее имя котораго Страдель, явился въ Венецію, чтобъ написать музыку для одной карнавальской оперы. Скоро по пріѣздѣ привелъ онъ въ восторгъ всю Венецію, не только своими музыкальными сочиненіями, но и чуднымъ голосомъ, и былъ приглашенъ однимъ венеціанскимъ вельможей давать уроки пѣнія его возлюбленной, которая очень хорошо пѣла. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ учитель и ученица (ее звали Гортензіей) страстно полюбили другъ друга и рѣшились при первомъ удобномъ случаѣ бѣжать въ Римъ. Къ общему ихъ несчастію благопріятный случай скоро представился, но только-что вельможа узналъ объ ихъ бѣгствѣ, какъ въ порывѣ ревности и отчаянія рѣшился страшно отомстить влюбленнымъ. Онъ напаялъ двухъ знаменитыхъ въ то время убійцъ въ Венеціи и велѣлъ умертвить Страделлу и его любовницу; въ награду обѣщано было 3000 фр. и сверхъ того дорожныя издержки. Убійцы отправились въ Неаполь и, узнавъ, что Страделла съ Гортензіей живутъ въ Римѣ, гдѣ выдаетъ послѣднюю за свою жену, уведомили о томъ обманутаго Венеціанца. Ловкіе бандиты выхлопотали себѣ рекомендательныя письма венеціанскому послаппику въ Римѣ, чтобы, въ случаѣ необходимости, онъ доставилъ имъ свободный пропускъ выѣхать изъ города. Пріѣхавъ въ Римъ, убійцы тотчасъ же успѣли разузнать, что Страделла въ скоромъ времени долженъ пѣть соло въ одной ораторіи, въ церкви св. Іоанна Латрапскаго. Бандиты рѣшились не упустать такого удобнаго случая и, въ назначенный день, явились въ церковь, въ намѣреніи умертвить Страделлу и его возлюбленную, когда молодые люди станутъ выходить изъ храма. Но едва раздались превосходная музыка Страделлы, едва послышался его чудный голосъ, какъ убійцы задрожали, поблѣднѣли и, рыдая, упали на колѣни, виняая съ восхищеніемъ дивной музыкѣ. Они были не въ состояніи умертвить чловѣка, гению котораго удивлялась вся Италія и рѣшились спасти ему жизнь. Они подождали Страделлу у дверей церкви и, когда молодой чловѣкъ вышелъ съ Гортензіей, бандиты расхвалили его талантъ и затѣмъ сознались, что только своему голосу

*) Жанъ-Давидъ, знаменитый теноръ, который былъ образцемъ для Рубини и для котораго Россини написалъ множество знаменитыхъ своихъ произведеній, между прочимъ роль Отелло, умеръ недавно въ Москвѣ въ госпиталѣ.

онъ обязанъ спасеніемъ своей жизни. Подробно открывши Страделла причину своего пріѣзда въ Римъ, они посовѣтовали ему скорѣе уѣхать въ безопасное мѣсто, чтобъ избѣгнуться отъ преслѣдованій ревниваго Венеціанца.—Страделла съ ужасомъ увидѣлъ опасность своего положенія и поспѣшилъ съ своей возлюбленной въ Туринъ. Убійцы возвратились въ Венецію и увѣрили Венеціанца, что Страделла тайно увѣдомленный о ихъ пріѣздѣ, скрылся въ Туринъ, гдѣ убійство было совершить гораздо труднѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ Италіи, по строгости закоповъ и по силѣ гарнизона, также и потому, что право убѣжища не такъ сильно наблюдалось какъ въ другихъ мѣстахъ. Знаменитый артистъ былъ спасенъ, но не на долго: взбѣшенный Венеціанецъ не оставилъ своей мести. Чтобъ вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, вызвалъ онъ къ себѣ отца Гортензіи, вручилъ ему рекомендательныя письма отъ тогдашняго французскаго посланника въ Венеціи, аббата д'Эстрала, къ французскому посланнику въ Туринѣ, маркизу Виллару. Старикъ взялъ съ собой двухъ другихъ убійцъ и поѣхалъ въ Туринъ отнять жизнь у родной дочери и ея возлюбленнаго. Аббата д'Эстрада просилъ въ своихъ письмахъ защитить трехъ посланныхъ изъ Венеціи, которые должны были прожить нѣкоторое время въ Туринѣ для важнаго дѣла, которое состояло въ убійствѣ знаменитаго пѣвца.—Въ то время въ Туринѣ жила правительствующая герцогиня Савойская; узнавъ о романическомъ бѣгствѣ Страделлы, она хотѣла спасти молодыхъ любовниковъ, отвезла Гортензію въ монастырь, а Страделлу назначила своимъ первымъ музыкантомъ и дала квартиру въ своемъ дворцѣ. Эти предосторожности были на-время полезны и молодые люди блаженствовали вродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но въ одинъ вечеръ Страделла пошелъ прогуляться по городскимъ укрѣпленіямъ, какъ вдругъ на него напали три замаскированныхъ чело-вѣка и опасно ранили его кинжаломъ, оставивъ замертво на мѣстѣ. Убійцы были—отецъ Гортензіи и два его товарища, которые тотчасъ же скрылись во дворецъ французскаго посланника. Г. де Вилларъ, не желая защищать ихъ послѣ совершеннаго преступленія, надѣлавшаго много шума, ни предать ихъ суду, принявъ прежде подъ свое покровительство, такъ какъ герцогиня регентша требовала выдачи убійцъ для преданія ихъ строгому наказанію, далъ имъ средства бѣжать.

Однако, сверхъ всякаго ожиданія, Страделла выздоровѣлъ отъ нанесенной раны, а Венеціанецъ, увидя снова свой планъ уничтоженнымъ, не отказался однако отъ мщенія. Если венеціанскіи дворянинъ страдаетъ отъ измѣны и обмана, гдѣ любовь играетъ первую роль, онъ дѣлается ужасенъ. Вторая неудача заставила Венеціанца быть осторожнымъ; онъ удовольствовался на-время тѣмъ, что подсматривалъ шпионовъ присматривать за Страделлой и Гортензіей. Такъ прошелъ цѣлый годъ. Герцогиня, тронутая судьбой молодыхъ людей, хотѣла узаконить ихъ союзъ и позволила имъ обвѣнчаться.

Въ скорѣе послѣ брака, Гортензія, соскучаясь однообразною жизнью въ монастырѣ, пожелала съѣздить въ Геную. Страделла поѣхалъ съ ней. На другой день ихъ пріѣзда Гортензія и Страделла найдены убитыми въ своей комнатѣ. Убійцы бѣжали на корабль, ожидавшій ихъ въ гавани. Такимъ образомъ окончилъ свою жизнь одинъ изъ превосходнѣйшихъ музыкантовъ Италіи, въ 1670 году.

ПИСЬМО ИЗЪ ПОЛТАВЫ.

Почти въ каждомъ № издаваемого вами журнала встрѣчаются извѣстія о кievскомъ, харьковскомъ, казанскомъ и другихъ провинціальныхъ театрахъ, но до сихъ поръ ничего еще не встрѣчалось о спеннической дѣятельности въ Полтавѣ, а потому я надѣюсь, что нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ будутъ кстати въ Театральномъ Вѣстникѣ.

Въ іюлѣ нынѣшняго года г. Зарудный устроилъ у насъ вокаль, пригласилъ къ себѣ кievскую балетную труппу, труппу акробатовъ и волтижеровъ, труппу Арабовъ-Кабилъ и два хора московскихъ цыганъ. Кромѣ того къ намъ прибыла труппа итальянскихъ артистовъ подъ управленіемъ Фердинанда Бергера.

Театръ, выстроенный пять лѣтъ назадъ, признанъ неблагонадежнымъ, и потому у насъ выстроили новый, который и былъ готовъ къ 15 іюля. Сказать правду, это не театръ, а ярмарочный балаганъ, но—некрасна изба углами, а красна пирогами! 15 іюля было первое представленіе итальянскихъ артистовъ. Съ этого числа до 1 августа спектакли давались каждый день, а послѣ только по четвергамъ и воскресеньямъ. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ даны были слѣдующія оперы: *Риголетто*, *Лукреція Борджіа*, *Норма*, *Любовный напитокъ*, *Отелло*, *Ернани*, *Макбетъ*, *Лючія ди Ламмермуръ*, *Линда ди Шамуни*, *Джема-Дивержи*, *Неистовый на островъ Сан-Доминго*, *Дон-Паскуале* и *Севильскій цирюльникъ*; разумѣется, всѣ эти оперы повторялись по два и по три раза.

Труппу г. Бергера составляли слѣдующія лица. Г-жа Спиннелли, примадонна, молоденькая и хорошенькая Итальяночка; играетъ она очень рѣдко. Голосъ ее звучный и чистый. Если г-жа Спиннелли не будетъ пренебрегать совѣтами опытныхъ людей и не будетъ надѣяться на свой талантъ, которымъ природа ее одарила, то современемъ можетъ сдѣлаться совершенною артисткою. Въ Лидѣ ди Шамуни, Спиннелли играла роль Пьеротто, молодого Саволра, и воишѣ заслужила тѣ рукоплесканія, которыми публика ее наградила. Въ роли Джема-Дивержи она была очаровательна, какъ игрой, такъ и костюмомъ: но въ роли Магдалены (Риголетто) она была ниже себя. Роль эта для нея слаба, изъ чего я заключаю, что или г-жа Спиннелли беретъ роли не посредствомъ, а по желанію, или что г. директоръ не удачно угадываетъ амплуа своихъ артистовъ.

Г-жа Мансуи съ голосомъ пріятнымъ, но слабымъ. Она играетъ и драматическія и комическія роли удовлетворительно, иногда даже хорошо. Роль Розины (Севильскіи цирюльникъ) г-жа Мансуи исполнила весьма отчетливо и натурально; арію, во время урока пѣнія, она пропѣла такъ хорошо, что мы просили повторить. Репертуаръ Мансуи обширенъ; участвуя во всѣхъ представленіяхъ она играла роли: невѣсты, ревнивыхъ и своенравныхъ женъ и молоденькихъ вдовушекъ и всѣ исполнила съ большимъ смысломъ.

Гг. Финокки и Элеръ играютъ роли субретокъ, горничныхъ, паяношекъ и другія, всегда сносно.

Г. Бергеръ директоръ, первый басъ вкомикъ. Хотя репертуаръ г. Бергера не обширенъ, за то игра его неподражаема;

въ роляхъ: дон-Паскуале и доктора Бартоло, г. Бергеръ имѣлъ бы успѣхъ и на столичной сценѣ.

Г. Финокки; голосъ его басъ, сильный, звучный и обширный; мимика его всегда хороша и натуральна. Хотя онъ имѣетъ болѣе призванія къ драмамъ, но иногда и комическія роли играетъ хорошо. Роли: Риголетто, Антонія (Лида ди Шамуни) и Фигаро, онъ исполнилъ величественно; въ ролиже Малатесто (Дон-Паскуале) г. Финокки былъ, если не дурень, то слишкомъ скученъ. Вообще ему слѣдуетъ выбирать сильныя-драматическія роли.

Г. Урбанъ;—басъ, всегда отчетливо знаетъ роли и всегда правильно соблюдаетъ мимику, но бываетъ иногда сухъ и вялъ до нестерпимости; его амплуа—почтенныхъ стариковъ.

Г. Фискетти имѣетъ голосъ, теноръ, сильный и звучный, но мало обработанный. Г. Фискетти мало занимается изученіемъ мимики и рѣдко играетъ съ душою; если онъ приложить болѣе старанія и отброситъ быстроту своихъ движеній, то сдѣлается хорошимъ артистомъ.

Г. Капдаверъ;—играетъ удачно роли нотаріусовъ и слугъ, вообще мелкія и незначительныя.

Гг. Бенъями, Гарбини, Ролантини, и Барнольди, бываютъ и пажамы, и герцогами, и слугами, и баронами, и духами, и вѣдьмами; въ хорахъ они хороши.

Костюмы труппы г. Бергера бѣдны, но всегда соответствуютъ лицу и времени, декораціи всего четыре. Ничего нѣтъ ужаснѣе, если случается перемена декораціи безъ опусканія завѣса. Цѣлую четверть часа вы видите, какъ садъ подымается въ облака и на мѣсто его изъ земли выходитъ домъ.

Оркестръ замѣняетъ г. Соббателли, играющій на фортепіано и заслуживающій, отчетливостію и правильностію игры, признательность и благодарность, какъ публики, такъ и актеровъ.

Освѣщеніе въ театрѣ не великолѣпно, но лучшаго нельзя и требовать, если принять во вниманіе сборы. Не болѣе 10-ти разъ театръ былъ полонъ; публика наша скоро охладѣла до того, что въ бенефисъ примадонны сборъ ограничился 40 р. с., а бывали сборы и отъ 15 до 25 р.—Изъ чего же тутъ можно сдѣлать великолѣпные костюмы и пріличные разнообразныя декораціи?

Все это въ расчеты нашей публики не входитъ и она настоятельно требуетъ постановки новыхъ піесъ. Г. Бергеръ повинуется; собираетъ резервныя финансовыя силы, и афиша возвѣщаетъ новую піесу по желанію публики; публика же не является! соберется пять, или шесть чиновниковъ, которые, взявъ мѣста въ партерѣ, садятся въ кресла перваго ряда и разсуждаютъ болѣе о журналахъ, копіяхъ и регистрахъ, чѣмъ о томъ, что происходитъ у нихъ перёдъ глазами. Да вотъ двѣ-три ложизаняты семействами лицъ, изъятыхъ отъ платежа, да на галерей десятковъ жидовъ:—вогъ и всѣ посѣтителы оперы!—вотъ и сборъ!!!

12-го октября было послѣднее представленіе въ пользу бѣдныхъ. Въ театрѣ было холодно, публика дрожала въ шубахъ! Каково же бѣдняжкамъ играющимъ? Да тутъ поневолѣ кости смятутся и языкъ прилипнетъ къ гортаню!

Вотъ такіе-то приемы заставили труппу г. Бергера оста-

вить Полтаву наслаждаться у себя дома въ четырехъ стѣнахъ, и читать только, что дѣлается у другихъ.

Говорятъ, что на зиму труппа г. Бергера опять прибудетъ въ Полтаву, по я не раздѣлю этого мнѣнія и всегда говорю, что оказанный нашей публикѣ итальянскимъ артистамъ приемъ—та же демьянова уха, и потому можно надѣяться, что г. Бергеръ,

Сдвнга въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры въ Полтаву ни ногой!

А. КИССКІЙ.

ИНОСТРАННЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Читатели наши вѣроятно помнятъ пѣвицу съ соловьинымъ горлышкомъ, съ удивительной методой, пріѣзжавшую нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургъ?—мы говоримъ о Персіани. Эта знаменитая пѣвица, заслужившая громкую и справедливую славу въ Европѣ и Америкѣ, умѣла вовремя оставить сцену, не желая попасть въ число тѣхъ знаменитостей, которымъ аплодируютъ въ память прежнихъ заслугъ, и поселилась въ Парижѣ. Недавно г-жа Персіани, по просьбѣ многочисленныхъ своихъ друзей, рѣшилась заняться преподаваніемъ пѣнія, готовить артистовъ для сцены и усовершенствовать талантъ любителей, уже знакомыхъ съ правилами искусства. Г-жа Персіани устроила театральную залу въ своемъ загородномъ домѣ близъ Елисейскихъ Полей и тамъ будетъ заниматься съ своими учениками и ученицами. Нѣтъ сомнѣнія, что образцовая школа Персіани доставитъ музыкальному міру не одну знаменитость.

Между тѣмъ какъ г-жа Феррарисъ восхищаетъ петербургскую публику своимъ замѣчательнымъ искусствомъ, наша русская Терпсихора Зина Ришаръ заняла всѣ ея роли и рѣшительно сдѣлалась любимицей Парижанъ. Для г-жи Ришаръ возобновляютъ извѣстный балетъ *Марко-Спада*, гдѣ она займетъ роль г-жи Феррарисъ и явится вмѣстѣ съ Розати; къ ней же перейдетъ и роль *Сакунталы* въ балетѣ того же имени, послѣднее созданіе въ Парижѣ нашей петербургской гостью.—Другая паша любимая русская сальфида, Надежда Богданова, какъ мы уже писали, восхищаетъ вѣнскую публику. Она явилась на Карлтеатрѣ въ *pas de deux* съ братомъ и въ извѣстномъ танцѣ *la Cosmopolitana*; многіе жалѣли, что г-жа Богданова не танцевала въ цѣломъ балетѣ, чтобъ имѣть болѣе разнообразное мнѣніе о талантѣ молодой танцовщицы. Тѣмъ не менѣе приемъ публики г-жѣ Богдановой былъ самый блистательный; въ числѣ зрителей находилась и Фанни Эльслеръ; знаменитая танцовщица много аплодировала нашей соотечественницѣ. Но возвратимся къ Парижу. Театральныхъ новостей на этотъ разъ не можемъ представить никакихъ, замѣчательныхъ піесъ не явилось ни на одномъ парижскомъ театрѣ, О двухъ новыхъ произведеніяхъ, украсившихъ—одна—афишу театра *Folies Dramatiques*, другая — Бомарше, нечего сказать хорошаго. Въ первой, комедіи: *Une grande dame de la halle*, рыночная торговка выходитъ замужъ за герцога, который умираетъ, оставивъ послѣ себя безчисленные долги, и герцогиня, перерядясь въ платье торговки, днемъ торгуетъ на рынкѣ, чтобъ прокор-

мать своего сына, а вечеромъ является въ своемъ салонѣ знатной дамой. Другая, драма на театрѣ Бомарше: *Tout pour l'honneur*, наполнена обыкновенными бульварными ужасами и потому пройдемъ ее молчаливѣе.— Пора сказать нѣсколько словъ о Германіи. Въ Берлинѣ, напримѣръ, два произведенія нашихъ соотечественниковъ имѣли успѣхъ, а именно: трио (*B-dur*) Рубинштейна, сыгранное пианистомъ фонъ-Бюловъ въ своемъ третьемъ абонементамъ концертѣ, и ораторія Фогта: *Воскресеніе Лазаря*, исполненная въ гарнизонной церкви Берлина съ благотворительною цѣлію.— Опера идетъ своимъ порядкомъ; скоро будутъ поставлены на сцену *Сицилійскія Вечери*, Верди; для роли Елены ждутъ новую пѣвицу. Дежазе съ своей труппой послѣ нѣсколькихъ представленій выѣхала изъ Берлина.

Въ Вѣнѣ съ петербургскимъ ожидаютъ перваго концерта талантливыхъ виолонистокъ, сестеръ Ферри. Громкая извѣстность и романтическое происшествіе, случившееся съ одной изъ нихъ, придаютъ много привлекательности молодымъ артисткамъ.— На придворномъ вѣнскомъ театрѣ будетъ представлена въ скоромъ времени комическая опера Массе: *La Reine Toraze*, имѣвшая большой успѣхъ на Лирическомъ Театрѣ въ Парижѣ.

Въ Ганноверѣ былъ недавно при дворѣ блистательный концертъ, въ которомъ присутствовали всѣ члены королевской фамилии, Великая Княгиня Александра Юсифовна, в. герцогъ Ольденбургскій и герцогъ Альтенбургскій. Дрейшокъ сыгралъ на фортепіано нѣсколько превосходныхъ пѣснь; скрипачъ Іоакимъ восхитилъ августѣйшихъ слушателей своимъ иѣжнымъ, пѣвучимъ смычкомъ; Карлъ Девриентъ и знаменитая германская актриса Марія Зеебахъ продекламировали отрывки изъ трагедій Шиллера и др.; пропѣло нѣсколько арій придворными пѣвцами, а въ заключеніе пѣвецъ Гримингеръ возбудилъ общій восторгъ аріей *Ewig dein!* Музыку этой превосходной арии написалъ е. в. король Ганноверскій.

Въ Зальцбургѣ былъ исполненъ въ тамошнемъ соборѣ *Реквиемъ* обществомъ *Моцартеумъ* въ память послѣдняго сына Моцарта, умершаго въ Миланѣ. Покойный завѣщалъ *Моцартеуму* семь тысячъ гульденовъ, двое фортепіано, *Мисгармонику* и нѣкоторыя ненапечатанныя произведенія своего знаменитаго отца. Старому своему вѣрному служителю Іосифу, Моцартъ оставилъ всю мебель, серебро, 10 тысячъ цванцигеровъ и пожизненное владѣніе загородной виллой въ Коверзаджіо, которая по смерти служителя переходитъ къ городской общинѣ. Многіе друзья покойнаго въ Вѣнѣ, Прагѣ и Зальцбургѣ получили подарки на память.

Обратимся теперь на югъ, въ роскошную Италію и посмотримъ, какъ идетъ тамъ музыкальная дѣятельность.— Неаполь заключаетъ въ своихъ стѣнахъ на-время маэстро Верди, который уже давно собирается поставить на сцену театра Санъ-Карло *Симона Бокканегра*; бѣдность и посредственность тамошней труппы ставятъ въ затрудненіе знаменитаго маэстро, который именно въ своей странѣ не можетъ найти достойныхъ исполнителей произведеніямъ, между тѣмъ какъ на другихъ европейскихъ сценахъ оперы Верди доставляютъ славу и богатство многимъ артистамъ.— Въ Туринѣ откроются въ скоромъ времени французскія представленія подъ управленіемъ Мейнаде.

Изъ Италіи недалеко перейти въ Испанію. Въ Мадридѣ большое впечатлѣніе произвела первымъ дебютомъ своимъ въ *Эрнани* хорошенькая Шведка, г-жа Лемапъ, ученица Дюпре. Эта молодая пѣвица была уже замѣчена въ Парижѣ въ нѣкоторыхъ частныхъ концертахъ, но въ первый разъ дебютировала на театрѣ въ Мадридѣ. Голосъ г-жи Лемапъ

высокій и звучный сопрано, которымъ она съ искусствомъ владѣетъ; восторженные поклонники ея красоты и пѣнія видятъ въ ней вторую Женни Линдъ. Съ г-жей Лемапъ пѣли знакомые намъ Бартолини и Беттини; первый изъ нихъ также явился въ первый разъ передъ мадритской публикой и очень понравился.— *Эрнани* имѣтъ такой же успѣхъ и въ Лиссабонѣ, гдѣ г-жа Тедеско попрежнему привлекаетъ публику своимъ симпатичнымъ голосомъ.— Въ Барцелонѣ опера Россини: *Семирамида*, даетъ большіе сборы, исполняемая довольно удачно г-жами Стеффенпе и Санье, теноромъ Тиберини и баритономъ Беневентано.

Г-жа Делагранжъ, какъ извѣстно, отправилась въ Бразилію и произвела фуроръ въ Рио-Жанейро. Всѣ фельетоны главныхъ политическихъ газетъ этого города наполнены самими поэтическими восторгами и возгласами, выпадающими даже въ лиризмъ. Одинъ изъ этихъ заатлантическихъ фельетоновъ оканчивается слѣдующей фразой: «Г-жа Делагранжъ не артистка, а воплощенное искусство!» Прибавимъ къ тому: г-жа Делагранжъ не только превосходная пѣвица, но и мастерски владѣетъ перомъ. Выписываемъ отрывокъ изъ ея письма къ парижскимъ друзьямъ о поѣздкѣ своей въ Бразилію: «Давно ли кажется я встрѣтилась съ вами въ Парижѣ и провела столько пріятныхъ минутъ на сельскомъ праздникѣ герцогини де-Лафоретъ и вотъ пришлось отправиться на другой край свѣта, чуть не на тотъ свѣтъ, если хотите. Въ продолженіи двадцати-четырёхъ-дневной поѣздки намъ пришлось испытать и голодъ, и зной, и скуку; наконецъ нашъ пароходъ подошелъ къ берегамъ Рио-Жанейро. Капитанъ парохода, суровый Англичанинъ, увѣрялъ насъ, что мы путешествовали по-княжески! Лодка, на которой насъ свезли на берегъ, обошлась намъ въ 6000 *рейсовъ* (рейсъ очень мелкая монета; миллионъ бразильскихъ рейсовъ равняется 122 франкамъ на наши деньги). Ступивъ на твердую землю, мы сѣли въ экипажъ, т. е. утвердились какъ могли на спинахъ негровъ,—таковъ здѣсь обычай перевозить путешественниковъ,—и отправились искать себѣ пріюта. На другой день нашего приѣзда мы были представлены императору Донъ-Педро II. Въ первомъ этажѣ не дворца, а просто красиваго дома, въ небольшой комнатѣ насъ встрѣтили два камергера и заговорили съ нами на чистомъ парижскомъ языкѣ. Вдругъ дверь растворилась, вошелъ довольно молодой и красивый мужчина и тотчасъ протянулъ руку Перейръ-де-Сильва, который въ эту минуту разговаривалъ съ нами. «Это т-ше Делагранжъ?» спросилъ его императоръ» (вы догадались, что это былъ Донъ-Педро?). Получивъ утвердительный отвѣтъ, его величество подошелъ къ намъ и заговорилъ по-французски какъ Парижанинъ. Императоръ говоритъ на пяти языкахъ. Загѣмъ Донъ-Педро повелъ меня къ императрицѣ, которая милостиво приняла меня и изъявила желаніе скорѣе услышать мое пѣніе.

«Здѣшній театръ красиво отдѣланъ внутри, но снаружи походить на сарай. Черезъ нѣсколько дней я дебютирую въ *Нормъ* и *Севильскомъ цирюльничкѣ*. Если понравлюсь бразильской публикѣ, то останусь здѣсь два года, чтобы скопить приданое двумъ моимъ дочерямъ». Изъ вышесказаннаго читатели видятъ, что талантъ прекрасной пѣвицы и благородной женщины оцѣненъ въ Рио по достоинству; послѣ этого письма, г-жа Делагранжъ уже являлась въ *Травиату*, *Нормъ*, *Лучи*, *Соннабуль*, *Севильскомъ цирюльничкѣ* и *Риголетто*.